

Меня путают с героиней балета «Пожирательница бриллиантов»

- Майя Михайловна, в последние годы вы если и выступаете на родине, то лишь в Москве и Петербурге. И вдруг гастроль сразу в 5 провинциальных городах.

- Интересно посмотреть на людей, узнать, чем они живут. Поддерживать их в это непростое время. Организацию гастролей взяла на себя Русская творческая палата. «Бал» состоит из «Болеро» Равеля и Дивертисмента, сделанного Тарандой вместе со мной и Аллой Кожановой - модным, стильным художником.

- Не боитесь, что в зале будут сидеть одни «новые русские»? Самые дешевые билеты - 50-100 тысяч рублей.

- «Новые русские» тоже разные. В Нижнем Новгороде один бизнесмен просто подарил часть билетов тем, кто не в состоянии их купить. Публика вообще не бывает плохой. Любой человек чувствует фальшь на сцене. Я в этом убедилась за свою долгую творческую жизнь. Когда хуже танцую, то и меня хуже принимают. Не помню, кто сказал из великих: если пещерного человека привести в картинную галерею, то он ткнет пальцем в шедевр.

- Вы постоянно выступаете с труппой Таранды?

- Все случайно получилось. Нас пригласил японский импресарио. Гедиминас сделал режиссерскую картинку. Получилось красиво. Я попросила его срежиссировать мой юбилей. Он сделал очень хорошо. Потом еще один юбилей...

В общем, мы уже три года вместе разъезжаем по всему миру.

Я всегда поддерживаю молодое, новое. Мне интересно, что будет, а не что было. Гедиминас очень серьезно отбирает артистов из разных городов. У труппы замечательный репертуар. У Таранды есть вкус. Он приглашает хороших хореографов на постановки. И еще более важно - сам не ставит балетов.

- Злые языки утверждают, что вы организовали Международный балетный конкурс «Майя», лишь чтобы себе потрахить?

- Это стопроцентная идея петербуржцев. Мне такое не могло и в голову прийти. Конкурс удался. Конечно, это был нонсенс, что он в честь московской балерины. Первый раз в Маринку нас не допустили. И тогда директор Александринки Савченко с изумительной любезностью предоставил нам свою сцену. А теперь мы сами хотим эту сцену. Добрые дела нельзя забывать. В первом туре конкурса танцуй, что хочешь, лишь бы выгодно показаться. Во втором - обязательный фрагмент из моих спектаклей, но с новой хореографией. Для постановщиков есть 3 премии. Я, например, очень люблю Елену Филиппеву из Киева. Так, как танцует она, я вообще не видела. Она имела огромный успех в Америке, еще больше в Японии. А ведь пока она не взяла «золото» на нашем первом конкурсе, о ней мало кто знал.

- Говорят, что на любом конкурсе едва ли не все решается за кулисами.

- У нас в составе жюри знаменитые, маститые хореографы. И если они так оценили - это значит действительно успех. Я вообще молчу. Члены жюри не видят ничьей оценки, сами отдадут в компьютер свои листы. Ни одна кандидатура вслух не обсуждается. Да, обычно на конкурсах не так. Помню, первые конкурсы в Москве, когда я была членом жюри, - просто ужас. Так передергивали, как будто человек не набрал ничего. Помню, Джером Роббинс всю ночь сидел, рисовал какие-то картинки. И уже под утро, когда надо было что-то сказать, он встал: прошу прощения, поскольку я не понимаю, что тут происходит, голосовать не буду. И

не голосовал, хотя и был членом жюри.

- Советский Союз был по балету впереди всей планеты. А Россия?

- Сейчас так все перемешалось. Русские танцоры есть в любой труппе по всему миру. И там они многому научились. Вот тот же Ротманский, которого я высоко ценю. Он был несколько лет в Канаде. Приехал изумительным танцовщиком и хореографом. На моем юбилее в Большом танцевал с Филиппевой в постановке Баланчина «Тарантеллу». Я такого в жизни не видела, хотя видела исполнение в американской труппе самого Баланчина. Есть очень хорошие танцовщицы, сейчас они даже лучше, чем были раньше. Все длинные, тоненькие. А танцовщики-мужчины? Никогда вообще таких не было. И потом - видео. Человек может посмотреть на себя со стороны. Сейчас техника на грани фантастики. Ничем не удивишь.

- А чем же тогда можно потрясти зрителя?

- Наверное, артистичностью. Это как прыжок - или есть или нет. Это даже объяснить невозможно. Божий дар.

- Вам хотелось бы открыть школу Майи Плисецкой?

- Такая школа должна быть при театре. Как отдельно я могу открыть ее? Ну дадут кусок земли - и что дальше? Строительству ведь миллионы стоят.

- Как вы считаете, должна ли интеллигенция быть в оппозиции к власти?

- Смотря, какая власть. То, что в стране не платят зарплату, пенсии, не летит ни в какие ворота. На Западе невозможно объяснить, почему это возможно. «А почему они не бастуют?» - сказали мне как-то там. Это совершенно непостижимо для цивилизованного человека.

Та интеллигенция, которая была до 1917 года, прозвала все и допустила революцию. Они ходили, переживали, влюблялись друг в друга без взаимности. Как у Чехова. Вот все и прозевали.

Вообще человек не станет другим животным. Никогда. Вы посмотрите историю человечества. Абсолютно все то же самое. Возьмите Наполеона. Он был гениален, но своего брата назначил королем Испании. И все же, как писал Лесков, не стоит село без праведников. Это редкость такие люди, но они есть. Иначе было бы совсем плохо.

- Мотаясь по свету, успевайте ли видеться с мужем - композитором Родионом Шедриным?

- Я некоторые концерты даже отменяю, чтобы быть с ним. На днях в Амстердаме виделись. Там исполняли его «Запечатленного ангела» прямо в церкви. Хор молодежи. После окончания концерта зал, как по команде, встал. Настолько все были напряжены, раскраснелись от волнения. Потрясающе.

Сейчас Шедрина много исполняют. Появился новый великий музыкант - Венгеров. Он так планку поднял, что многие знаменитости во всем мире растерялись. Одна немка мне сказала: а я не знаю, играл ли так Паганини? Самые большие дирижеры приглашают его к себе. Шедрин написал специально для Венгера сонату. Новые шедринские вещи исполнил недавно Ростропович. Родион сейчас пишет по заказам известного немецкого издательства «Shott», членом которого он является. Единственный из современных русских композиторов.

- Где ваш дом сейчас все-таки?

- Конечно, в России. Квартира там же, на Тверской. И большинство планов связано

В грандиозный тур по городам России отправился «Русский Имперский Балет» Гедимины Таранды с премьерой спектакля «На балу у Плисецкой». Великая балерина выходит на сцену в своем знаменитом платье от Кардена...

Фото Василия МАЛЫШЕВА. (Публикуется впервые.)

Майя Плисецкая и Родион Шедрин - счастливая пара.

с Россией. У меня и культура российская. Я, кстати, вообще не говорю на иностранных языках. Очень ленивая, не смогла заставить себя учиться. Да и никогда не репетировала под завязку. Даже Левашов как-то сказал по ТВ, что я с ленью. А то бы многого еще добились. Когда мы начинали работать, то не полагалось знать языков. И было это даже опасно.

- А как же вы с великими общались там, на Западе?

- Все через переводчиков. Это ужасно, плохо, люди хотя бы поговорить и не могут. Я всегда шутила: изучайте рус-

ский, если хотите со мной разговаривать.

- У вас осталась сильная обида на Советскую власть?

- Чувство обиды - не то чувство, когда речь идет о НКВД, КГБ, ГПУ. Их заставляли - такая власть. Но и люди сами по себе жестокие. Им было приятно измываться. Я не думаю, что наши граждане, которые надо мной издевались, лучше, чем фашисты. Я знала человека, которого выгнали из КГБ (!) за чрезмерную жестокость. Но были там и исключительно порядочные люди. С некоторыми из них в самые мучительные годы меня, на мое счастье, сводила жизнь. Все зависит от того, каков человек по своей природе.

Новое поколение, я думаю, будет другим. Им неведом этот адский страх. Как-то Ой-страху задали вопрос: как вы могли подписать какое-то ужасное письмо, вступить в партию? Он ответил: «У нас в доме, где я жил, было 9 этажей. И каждый раз в 5-6 часов утра где-то останавливался лифт. Это означало, что этих людей пришли арестовывать. Мы жили на 9-м этаже. И вот как-то шел лифт - все слушали, где же он остановится. Застыл на восьмом этаже. И действительно людей там забирали. После этого я готов был подписать ВСЕ».

Теперь люди не знают этого времени, когда сто миллионов просто так погубили. Когда сделали коммуналки, чтобы люди друг на друга доносили. На Западе до сих пор не понимают, как это можно жить в коммуналке. И считают Зошенко писателем-фантастом. Не верят, что он писал правду.

- О вас ходит огромное количество легенд. Как вы к ним относитесь?

- Не так давно ваша газета напечатала одну статью обо мне, где как раз очень мало правды. Якобы когда у меня в Мексике в отеле украли драгоценности, то отель, по словам его детектива, вернул мне равноценные камни. Какая нелепица. Всему миру известно, что за пропажу драгоценностей администрация каждого отеля не отвечает. И еще я узнала, что коллекционирую бриллианты. Как интересно! Я думаю, меня спутали с героиней балета Ролана Пэти «Пожирательница бриллиантов», которая, прерывая танец, поет о том, что она страсть как любит «проглотить натошак бриллиантик этак каратов в пять».

Или еще одна легенда - будто бы Мария Шелл подарила Шедрину дом. Откуда это все? Пушкин когда-то сказал: я обогнан хвалами. Вот это тот случай.

Мария Шелл очень большой человек. Она не раз пыталась наложить на себя руки. Ее любимый племянник покончил с собой. Это есть в семье. Это большая трагедия. Марию можно только пожалеть, потому что она очень добрый человек.

Она просто спасла жизнь Шедрину, когда нужна была срочная операция в Германии. Вместе с профессором Энглертом нашла в этот же день самого лучшего врача. На нее молитесь надо. Она и мне помогала, когда я работала в Риме. Тогдашний директор Большого театра Иванов мне не платил зарплату. И у меня не было денег даже для того, чтобы оплатить уборный номер отеля, в котором я жила. Мария увидела этот ужас и заплатила за меня. Она абсолютный друг.

- Вы по-прежнему часто видите с Карденом?

- Он построил на юге Франции неимоверный театр. Это действительно XXI век. Сейчас решил сделать ретроспективу моды от 50-х годов до XXI века в Петербурге и Москве. Выйдут красивые манекенщицы, балери-

ны. Будет спектакль Таранды. Начнется с того, что я выхожу с Карденом в платье 50-го года. А кончается это шоу тем, что появляюсь с Пьером в платье XXI века, которое сейчас делается. На компьютерах!

- Вы очень дружили с Лилей Брик, но потом ваши отношения разладились. Это тоже легенда?

- Это правда. Лилия Юрьевна привыкла: если она диктует - так должно быть. Однажды она поссорилась с одной парой, которая очень переживала этот разлад. Я Лиле об этом сказала. Она невозмутимо ответила: ну что ж, пусть разойдутся. В этом вся она.

- Вы не только великая балерина, но и великая женщина.

- Меня окружали почти всегда замечательные партнеры. Но я и не хотела танцевать с другими. И какими красавцами были Богатырев, Либа. Не только Годунов. Я танцевала с Хорхе Донном и Руди Брианном, Патриком Дюпоном, премьером мирового класса. С нашими артистами не из Большого театра Анатолием Бердышевым и Валерием Ковтуном. В «Ромео и Джульетте» у меня был красавец Юрий Жданов. А «Лебединое озеро» я танцевала больше всех с Фадеевым.

Он меня очень устраивал - спокойный. В работе это не последнюю роль играет.

- А кроме сцены, с ними общались?

- Домами я не дружила ни с кем. Хватало общения на сцене. Даже не помню, была ли у кого в гостях.

- А действительно КГБ пыталось вмешиваться в вашу личную жизнь?

«И еще я узнала, что коллекционирую бриллианты. Как интересно! Я думаю, меня спутали с героиней балета Ролана Пэти «Пожирательница бриллиантов», которая, прерывая танец, поет о том, что она страсть как любит «проглотить натошак бриллиантик этак каратов в пять».

- Открыто - никто. Но мне сказал когда-то зять Хрущева: на вас горы доносов. Я никогда их не читала. Доносы писали в основном балетные люди, которым давали задания. А дома у нас было вмонтировано подслушивающее устройство. Об этом я узнала лишь спустя 35 лет из интервью отставного генерала КГБ.

- Вы познали в этой жизни уже все. О чем-то вы еще мечтаете?

- Об одном - чтобы Шедрин побольше пожил. Без него жизнь для меня теряет интерес.

- Двум талантам трудно ужиться под одной крышей. У вас с Родионом Шедриным получается вот уже 39 лет.

- Шедрин - человек особенный. Действительно бывает, что талантливые люди ревнуют к успеху друг друга. Это у Шедрина исключено, чувство зависти ему чуждо. Наоборот, он мне всю жизнь помогает. Я не знаю, что бы я в жизни имела, если бы не Шедрин. Он пишет мне балеты, чтобы я продлила свою сценическую жизнь. «Чайка», «Анна Каренина», «Дама с собачкой» - все это его идеи. Я бы ушла со сцены лет на 25 раньше. И всегда он в тени, потому что композитор. Ему было очень трудно - бездарные люди объединялись против него. Уехал на Запад, пытались травить его и там. Но все, слава Богу, рассосалось - искусственное недолговечно. Сейчас Шедрина играют самые великие музыканты. Ростропович заказывал ему произведения для своего юбилея.

- А вам не хотелось бы, оставив все дела, отправиться вместе с Шедриным куда-нибудь в уединенное место?

- А мы так и сделали в этом году. Поехали во Флориду. Целый месяц наслаждались фантастически теплым океаном. Жили, как в раю. Я сказала Родиону: может быть, мне поменьше сейчас ездить? Но он отговорил: а что ты будешь делать - скучать?

Мы каждый день говорим по телефону. Порой и два раза. А если нет возможности - шлем друг другу факсы.

- Кто на вас в жизни произвел наибольшее впечатление?

- Шедрин! Он меня восхищает до сих пор.

- Самый памятный букет цветов?

- Однажды в Лиссабоне на сцену поставили три уходящие вверх к потолку корзины с цветами. Четыре «биса» «Лебедя» было. Они хотели, наверное, чтобы я до утра танцевала между этими гигантскими корзинами.

- Чем вы снимаете стрессы?

- Ничем. Они есть - куда их денешь. Трудно себя уговорить. Так и живу.

- Вознесенский как-то процитировал вас: сижу не жрамши...

- На тот период я действительно сидела не жрамши, очень надо было похудеть. Сейчас, к сожалению, жрамши. Это всю жизнь проблема. Вот говорят, что когда много работаешь, то сбрасываешь вес. Ничего подобного. Только от голода человек худеет. Это правда. Я ем все.

- А как спите?

- Плохо. Только с таблетками. И это уже десятилетия.

- Майя Михайловна, а как вы относитесь к роскоши?

- Я не имею ни времени, ни сил этим заниматься. Этого никогда не было. У Шедрина тоже ни минуты свободной не бывало. Когда я уезжала, он тут же мчался в Снегири. Очень многое написано именно там.

Я люблю красивую одежду. Карден приучил меня к своим платьям и нарядам, которые действительно совершенно изумительны. Его портные так исполняют, что можно только упасть от восхищения.

У меня много вещей от Кардена. Я сменила свой гардероб на его платья. Все сразу замечают, как только я появляюсь в наряде от Кардена.

- Вы познали в этой жизни уже все. О чем-то вы еще мечтаете?

- Об одном - чтобы Шедрин побольше пожил. Без него жизнь для меня теряет интерес.

Беседовал Николай ЕФИМОВИЧ.